

Канон, эталон, стереотип в языковом сознании и дискурсе

Дискуссия проводилась 07.02.99 в ИЯ РАН.

В дискуссии принимали участие:

© д. филол. н. Ю.А. Сорокин (ИЯ), к. филол. н. В.Н. Базылев (МГЛУ),
Н. П. Вольская (МГУ), к. филол. н. Д.Б. Гудков (МГУ),
В. Г. Красильникова (ИЯ), к. филол. н. В.В. Красных (МГУ), 1999

Участники дискуссии высказывали собственное мнение, не всегда разделяемое всеми присутствовавшими. Каждый из участников отвечает только за собственные слова, и поэтому не несет никакой ответственности за заявления (порой безответственные и ненаучные) других участников дискуссии. Авторы записи стремились в максимальной степени сохранить разговорный стиль беседы.

Базылев. Я позволю себе открыть сегодняшнюю встречу и пригласить всех к началу разговора. Давайте уточним, какая у нас программа?

Гудков. Мы планировали обсудить проблемы канона, стереотипа и эталона в национальной культуре, решить, что под этими терминами следует понимать, а после этого рассмотреть канон, стереотип, эталон как образ, представление и понятие, чем отличается одно от другого. Третьим вопросом предлагается обсудить языковые способы выражения канона, стереотипа и эталона.

Сорокин. Вы программу на неделю предлагаете.

Г. Что успеем. Не обязательно все тщательно прорабатывать. Должен предупредить уважаемых коллег, что предыдущая наша встреча, проходившая в форме беседы за чашкой чая, вызвала интерес научной общественности, высказывавшей, в частности, мнение, что подобная форма научной деятельности лишена права на существование...

Красных. Я думаю, мы должны обсудить *форму* планируемой публикации. Сохраняем ли мы жанр свободной беседы с определенной иронией как к себе, так и предлагаемым решениям, хотя они могут быть очень серьезными, или мы подвергаем наш скрипт серьезной обработке с тем, чтобы получилась коллективная статья с развернутыми монологическими репликами?

С. У кого какие соображения?

К. Я за первый вариант. Я предлагаю оставить ту форму, которая была.

Г. Считаю, что эту форму нужно педалировать.

С. Совершенно верно. Тогда я с вами тоже соглашусь, т.к. все равно окажусь в большинстве. Я хотел бы сказать следующее и прошу не вырезать это из скрипта. Давайте ориентироваться не на тех, кто предлагает

обходиться посредством определенного теоретического носового платка. Возмущение вызывает ведь не тон, а именно этот носовой платок. Хочу предупредить, что сейчас, наверное, он будет возмущать еще больше. Строгие дамы, они ведь повсюду: на кафедрах в МГУ, в Институте русского языка (и академическом, и имени Пушкина). Они могут быть в мужском одеянии, могут быть в юбочке. А знаете, что их возмущает? Не тон возмущает... Например, т.к. я в противовес этим дамам не люблю Дмитрия Борисовича, я буду называть его Митей, а они его любят и будут называть его Дмитрием Борисовичем, на том и разойдемся. С чем это связано? Насколько я могу понять, идет разговор о серьезных вещах. Сейчас очень странное время пошло. Все начинают чувствовать странное свое состояние, когда просыпаются утром. Просыпается человек и думает, чем он занимался и зачем он этим занимался. Возникает чувство собственной неполноценности, и эту неполноценность они переносят на других людей. И никто не собирается отдать себе какой-нибудь такой тихенький отчет в том, что, может быть, это и справедливо, а если и несправедливо, то все равно с этим не хотят соглашаться. И кроме того, знаете чего не хватает? Не только того, что человек чувствует себя ненужным не только другим людям, но и себе, это еще связано и с тем... Я скажу очень резко. Тех, кто возражает, выступает, говорит, что ничто ни в какие ворота не лезет, — всех их объединяет одно — их лишили забав социального онанизма. Раньше были медали, кафедры, выдвигания, премии. И на эти предметы они воодушевлялись и горячились и всегда непрерывно онанировали.

Б. Интеллектуально?

С. Я надеюсь! А сейчас предметов не остается. И вот выбирают какие-то их заменители, не думая о том, что некоторым это может просто не нравиться. Не все же такие любители мелких оргий.

Г. Я предлагаю плавно перейти к вопросу о каноне и эталоне в сфере научного дискурса. По-моему, проблема именно в этом — ориентация на несколько разные эталоны, задающие разные каноны. И нарушение канона, некоторой традиции, на которой должен, по мнению некоторых людей, строиться научный дискурс, вызывает страшное раздражение.

С. Сначала нужно определить исходные термины. А вы уверены, что у них где-то в подсознании, в подкорке существует понятие об этих же понятиях?

Б. Речь идет, скорее, о стереотипе.

Г. Давайте разберемся, что есть канон, что есть эталон, что есть стереотип.

С. Кто желает?

Б. Поскольку речь зашла об определении терминов, я позволю себе процитировать свою статью, в которой определяется один термин. Опять-таки культурного плана. Мне кажется, что то, о чем говорит Юрий Александрович, не является абсолютно новым. В последнее время появ-

вился ряд публикаций такого откровенно публицистического характера, которые анализируют ситуацию 60-х — 70-х годов. Все помнят повесть “Кафедра” Грековой, где было вскрыто кое-что из кафедральной жизни, а теперь пошли публикации, которые отражают ситуацию тех же 70-х в публицистическом плане. Например, то, что произошло с Э.В. Кузнецовой. Или вышло переиздание “Смысл↔Текст” Мельчука, и там в это издание он включил переписку, а также протокол небезызвестного заседания в Институте языкознания, когда его там пытались размазать по столу. И если прочитать выступления Ярцевой и прочих в этом протоколе, то выясняется, что ничего принципиально не изменилось. По формулировкам, по общим тезисам, по атмосфере, по характеру разговоров на таких официально-ритуальных заседаниях...

- С.** Эти ритуалы не были научными. Они не пытались использовать понятия науки в связи с этой полемикой.
- Б.** Но и сейчас не всегда... Вернее, ссылка на некие каноны носит поверхностный характер.
- К.** Это зависит от разных ситуаций. Есть и проблема идеологии в хорошем смысле слова, т.е. принципов, которыми люди руководствуются. Это может быть проблема традиции. Это может быть проблема канона, эталона и т.д. Но наиболее серьезное замечание последовало от человека, которого в плане идеологии от нашей деятельности ничто не отвращает. Вызвала неприятие сама *форма*, т.к. нельзя о серьезных вещах в научной сфере говорить таким тоном. Мне кажется, что нужно разделять понятия идеологии, неприятия, непонимания чего-то нового и какие-то чисто *формальные* замечания.
- С.** Когда встречаешь такие возражения: это нельзя, это невозможно, это нехорошо, это связано только с одним — человек иначе, чем он привык, говорить не умеет. Все остальное кажется ему достаточно странным и невозможным. Он, например, предпочитает читать детективную литературу. Пусть он ее читает! Но почему он считает, что нельзя читать Пруста? Я, конечно, не хочу приравнять наши посиделки к Прусту. “Мне это не нравится”. Ради Бога! Пускай не нравится. Но это не возражение по сути проблемы.
- К.** А почему не нравится? Мы опять возвращаемся к проблеме все тех же канонов и эталонов. Насколько я поняла, Вы говорили сейчас именно об идеологии. Могут быть какие-то эталоны, какие-то стереотипы, но более глубокого плана...
- С.** Нет. Это связано с другими вещами.
- Б.** Может быть, просто они могут овнешниться на поверхности, поскольку сейчас нет других возможностей. Если бы это была другая ситуация, то речь бы пошла не в форме свободной дискуссии, а... т.е. это приобрело бы другую форму, а поскольку ритуальные формы сейчас изменились сами по себе, то это и приобрело несколько суженный характер, вышло

на уровень бытовой. С уровня высокой идеологии это вышло на уровень бытовой идеологии.

- С.** Я бы связал это, знаете с чем? Они все живут в том мире... Может быть, и мы частично в нем живем, не хочу никого обижать. Они живут в том мире, в котором главная установка была одна: установка на серьезность. Везде и всюду должна быть серьезность. Именно она является тем основным, базовым элементом канона, стереотипа, чего хотите, который должен непременно соблюдаться. Вот мы пытаемся сломать это и показать, что возможно и обсуждение с противоположной точки зрения. И не обязательно серьезность должна служить точкой отсчета в наших рассуждениях. Вот, Володя...
- Б.** Не постигнет ли нас судьба...
- С.** Чего? Кого?
- Б.** Людей, которые пытались сломать канон серьезности, но умерли, как Хармс.
- С.** Дело в том, что они все равно все время ломаются. Делаются, Володя, такие попытки. У нас слишком серьезное, может быть, общество было. Поэтому такая реакция на проникновение иронии или чего-либо подобного вызывает сопротивление со стороны других. Но на это оглядываться просто не стоит. Если ты серьезный человек — ради Бога! Читай лекции или ходи на семинары в МГУ, ИРЯП, Институт языкознания. Там читай лекции, с серьезным видом доказывай то, что доказать невозможно.
- К.** Не очень хотелось ломать какие-то стереотипы. Мы и так много поломали в этой жизни. Может быть, пафос был другой. Главное — показать, что может быть *и так тоже*. Не нужно ничего ломать. Просто показать, что можно и по-другому.
- С.** Но они не хотят этого признать, потому что у них только одно решение. Все другие отвергаются заранее. Это очень мне напоминает художественную критику.
- Б.** Ситуацию в критике вообще.
- С.** Да. И в художественной в особенности. Нельзя так делать! Хотя Вика и говорит, что нельзя ломать традиции.
- К.** Не нельзя, а не надо. Они ломаются сами, если этого заслуживают.
- С.** Хорошие писатели появлялись на ломке.
- К.** Они же не специально ломали...
- Г.** Уважаемые коллеги, у меня есть предложение “лингвистизировать” все-таки нашу беседу.
- С.** А кто будет излагать новые мысли по поводу всех этих понятий. Дмитрий Борисович, пожалуйста! Митя то есть, извините.
- Вольская.** Наверное, не стоит стремиться дать однозначное жесткое определение, ведь оно будет меняться.
- Г.** Нет, конечно. Вероятно, мы и не собираемся создавать нечто незыблемое. Я не могу предложить ничего категорического и безусловно точно-

го. Я сужу глобальную проблему, заострю внимание только на одном ее аспекте. Постараюсь разобрать его на конкретном примере. Что есть эталон? Давайте рассмотрим это в плане аксиологии. Та или иная оценка дается по отношению к какому-то стандарту, норме. Когда человека называют умным, значит, этот человек умнее нормы. Но! Как только появляется эмотивная оценка, у меня такое ощущение, что стандарт куда-то уходит. Потому что эмотивная оценка нацелена не на середину, а на полюс. И определяются эти полюса не по отношению к середине, а по отношению друг к другу. Если я говорю, что этот человек не умный, следовательно, этот человек не является более умным, чем стандарт. Если я говорю про женщину, используя энантиосемическую фразеологизированную конструкцию: “Тоже мне Дюймовочка!” — значит, что эта женщина не переходит с полюса в середину, наоборот, это значит, что эта женщина весьма крупная. В виртуальном мире эмотивной оценки есть только два полюса, а в “середине” нет ничего. И эти полюса представлены некоторыми образцами, эталонами. Эталон маленькой женщины — *Дюймовочка*, эталон худого человека — *Кащей*, эталон ленивого человека — *Обломов* и т.д. и т.д. Я говорю об антропонимических единицах, но можно найти и другие, например, хитрость — *лиса* (в мифологическом значении этого имени) и пр. Это, на мой взгляд, является эталоном. Т.е. имеется в виду образцовый конкретный “предмет”, представляющий собой наиболее яркое воплощение какой-либо неязыковой категории, какого-либо качества или нескольких качеств в их нерасторжимой совокупности. Это я попытался определить эталон. Конечно, не очень академичное определение...

С. Вы, говоря об эталоне, все время повторяли почему-то слово “стандарт”. Это вносит путаницу.

К. Да.

Г. Юрий Александрович, я же как раз и говорил, что эталон — это не стандарт. В том-то и дело.

К. Уважаемые коллеги, я позволю в связи с этим представить свое разграничение. Предложу Вашему вниманию таблицу, в которой представлено соотношение канона и эталона.

Канон	Эталон
1) норма;	1) мера, мерило;
2) допускает существование “однотипных” феноменов;	2) единичный феномен, всегда “единственный”;
3) возможно тиражирование;	3) уникальный феномен;
4) возможно творчество, допускает некоторую самостоятельность;	4) возможно подражание, допускает “копирование”;
5) допускает трансформации	5) строго фиксирован
форма	содержание

Сразу оговорюсь, что это придумано не только мною. Впервые проблема канона и эталона была поставлена Ириной Захаренко, говорившей о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов. Мне кажется, что то, что сказал Митя, правильно, хотя и меня смущала апелляция к стандарту. Теперь я понимаю, что он как раз хотел от этого отойти и показать, что в сфере прецедентных феноменов каноны и эталоны действуют немного по-другому, не так, как в сфере других феноменов. Но когда мы говорим о некоторой системе, нужно показать, чем они различаются, элементы данной системы. Мы говорили об эталоне и о каноне. Я попыталась каким-то образом разграничить эти понятия. Меня смутило, что Митя, говоря об эталоне, упомянул слово норма. Для меня норма относится к канону.

Г. Я как раз подчеркивал, что эталон задается не апелляцией к норме, а апелляцией к другому полюсу.

К. Хорошо. Эталон — это некая мера, это полюс. Если мы говорим о прецедентных феноменах, то это касается прецедентного имени, прецедентной ситуации, прецедентного текста и некоторым образом, вероятно, прецедентных высказываний, но о них нужно говорить осторожнее, потому что они ведут себя по-другому. Но все-таки это единичный феномен, он не поддается тиражированию. Если мы возьмем ту же *Дюймовочку*, то заметим, что она не может тиражироваться. Мы с ней только сравниваем. Если мы берем *Пушкина* как эталон поэта, *Моцарта* — как эталон гения, это не значит, что кто-то — второй Моцарт или второй Пушкин. Он может писать как Моцарт, как Пушкин — это уже канон. Он подражает стилю, поведению, чему-то еще... Тиражируется не сам феномен, а что-то еще. И соответственно, эталон, как правило, строго фиксирован в отличие от канона, который может подвергаться определенной трансформации. И следующий вывод: эталон апеллирует к содержанию, главным оказывается содержательное начало в эталоне, а канон — это может быть игра с формой. Вот, пожалуй, так. Как ко всему этому присоединяется стереотип? Это вопрос. Замечание Володи было весьма важным, когда мы говорили о каноне и эталоне научного жанра, Володя сказал, что это все-таки стереотип. Если мы вводим в эту систему понятий и стереотип, его тоже надо отграничить. Для меня это явление разного порядка: есть стереотип, есть эталон и есть канон. Но канон и эталон — понятия одного уровня. Они по-разному себя ведут, но можно говорить, что это элементы одного порядка. А стереотип — это что-то другое.

С. Я не ожидал, что к стандарту прибавится еще и норма. У меня, например, соображения не такие. Я не знаю, что делать с таким понятием, как стереотип. Этим занимались (помните?) все социальные психологи. Стереотип, клише, штамп. Наверное, можно их условно расположить в какой-то последовательности. Правда, я не знаю, что это даст. С моей точки зрения, ничего не дает. Я вообще считаю, что клише и штамп —

избыточные понятия и ими можно не пользоваться. Давайте договоримся так и размотаем эту цепочку. Стереотип — это, наверное, родовое понятие. Стереотипы могут быть вербальными и ментальными, а их виды — штамп и клише. Т.е. цепочка получается такая: стереотип — клише — штамп. За штампом можно закрепить вербальную реализацию стереотипа или вербальную реализацию клише. Если дальше рассуждать, я вот что мог бы предложить. На мой взгляд, мы можем ввести понятие податливости к экспликации, глоссированию. Стереотип — это нечто, что поддается глоссированию и экспликации. Если мы спускаемся по этой лесенке вниз (стереотип — штамп — клише), следовало бы ожидать, что податливость к глоссированию уменьшается. Штамп — это предельная невозможность глоссирования. И не обсуждаем: сознательная или нет. Т.е. так: стереотип в сильной степени глоссофилен, клише — в средней степени, штамп — в нулевой. Может быть, так пойти? Попробуем тогда связать это с эталоном и каноном. Возникает вопрос, почему одно поддается глоссированию, а другое нет. Я думаю, что можно сказать, если от нас хотят, помимо серьезности, еще и теоретичности, что мы имеем дело с градацией символической энергии. В языке есть, Вы, наверное, согласитесь, символическая энергия. Вспомним Гумбольдта, Потебню... Правда, не очень ясно, что это, но умирание языка, умирание диалектов, жаргонов, на мой взгляд, связано не с запрещением, не с вымыванием каких-то единиц, а с вымыванием символической энергии. Я сошлюсь на Пятигорского, который на этом настаивает. Вот с каноном в связи с этим достаточно тяжело. Вроде бы, удобная схема (которая представлена в таблице). И это, наверное, Вика, работающая схема, судя по Вашей книжке. Можно ее принять. Но это мое только мнение, я не знаю, согласитесь Вы или нет. А канон... Канон — это нечто, подобное стереотипу, как это ни странно. Но для меня канон существует только во вторичных знаковых системах. В первом Вашем столбце, Вика, намек на это есть. Может быть, по этому признаку разводить стереотип и канон? Стереотип — это состояние нехудожественного сознания, нехудожественного поведения, это какое-то странное образование, в котором опредмечены наши традиции, фобии, наши комплексы, касающиеся обыденного уровня нашего сознания.

К. В первую очередь, речь здесь идет, конечно, о стереотипах поведения. Это какие-то особые стереотипы. Но мы можем, вероятно, говорить и о других стереотипах — стереотипах-ментальных “картинках”, стереотипах-представлениях. Эти стереотипы бывают разными. Они могут быть и эталонны, но они могут быть и “канонны”, так сказать.

С. Иногда четко прослеживается канонизация каких-то ментальных установок, даже сугубо вербальных. Можно ли их развести? Это спорный вопрос. То, что я процитирую, — это канон? “Иже по плоти Рождество Иисус Христово. Три ангела зрят на звезду. Преднему риза лазорь, другий — бакан, третьему, празелень, у ворота мало баканцу. [...] ... ангел

наклонен вельми, рукою благословляет, риза верх киноварь, исподь лазорь. Под ним пастух в трубу трубит, глядит вверх; риза бакан, пробелен лазорью: а гора празелен, вся пробелена; тугоже девица поклонна, наливает воду, риза празелень, рука гола...”

К. Это — канон. Но “Троица” Рублева — это эталон.

С. Канон существует как некоторая возможность технических и ментальных допущений. Допущения могут располагаться в очень широких пределах. Эталонное образование — это не что иное, как точка отсчета.

Г. Я бы иначе рассмотрел. Я не знаю, почему Вита не сказала об этом. Мне эта ее идея очень нравится. Ее идея, которую мы много обсуждали вместе. Идея о том, что канон и эталон связаны с некоторой реальностью. Стереотип с такой реальностью не связан. Сейчас поясню. Мы говорим о “Троице” Рублева, которая является эталоном и задает некоторый канон. Я об этом когда-то говорил, что постановка пьес Островского в Малом театре является эталонной и задает канон постановки пьес данного драматурга вообще. Отклонение от этого канона вызывает протест. Стереотипы — это несколько другое. Когда мы говорим о *стереотипе немца, француза* и пр., за этим нет конкретного немца или француза.

К. Стереотип не имеет единичного источника, т.е. нет какой-то реальной фразы, которая все это породила бы, если говорить о стереотипе вербального общения. Вот кто-то сказал: “*Прокомпостируйте, пожалуйста, билет*”. И что, с тех пор все стали говорить именно так, потому что была такая первоначальная фраза? Была какая-то конкретная *лиса*, которая всех обхитрила, и именно она стала эталоном хитрости? Такого не было. Стереотип для меня — некий собирательный образ. Там не стоит единичный образ. В отличие от “Троицы”, в отличие от *Обломова*, в отличие от *Пушкина*.

Г. Я пытался выразить именно эту мысль.

Б. Можно вопрос? Не кажется ли присутствующим, что при обсуждении канона, эталона и стереотипа смещаются... как это сформулировать... конкретные объекты, к которым это приложимо. Поскольку в зависимости от приложимости к тому или иному объекту эти термины могут получать разное истолкование. Одно дело — речь идет о языке, другое дело — речь идет о художественном произведении, третье — об имени собственном как некой мифологеме. Это первый вопрос.

С. Кто отвечать будет?

Б. Я сам и отвечу. (*Общий смех*) И второе. Совершенно спонтанно родилась мысль, правда, может, не слишком удачная... Если остаться на уровне языка, то возникает вопрос: почему Вам не хотелось бы вот в эту табличку вписать очень органичный стереотип. Он же по всем пяти параметрам укладывается как третий элемент этой таблицы.

К. Когда мы говорим о языке, может быть, это моя ошибка, но я сразу оказываюсь в рамках сосюринанской парадигмы: язык-система, язык в

себе и т.д. А сейчас мы все-таки говорим о том, что связано с языковым сознанием. Это первое. Теперь второе. Принципиальной разницы в функционировании прецедентных феноменов, говорим ли мы о реальном человеке или о мире художественной литературы, о мире искусства, нет. Была ли это *“Троица” Рублева*, или это была *Святая Троица*, описанная в сакральных текстах, или это *“Три богатыря”*, или это еще что-то. С точки зрения функционирования эти единицы будут одинаковыми. Источник в данном случае не совсем релевантен. Теперь то, что касается канона и эталона. Мне кажется, что канон, эталон — это явления функциональные. А вот стереотипы и прецедентные феномены — это явления (для меня во всяком случае) системные. И говоря о блоке “канон — эталон — стереотип”... Может быть, я неправа, но это не та группа феноменов, которая может быть определенным образом на единых основаниях категоризована, систематизирована: все-таки стереотипы, если мы говорим о речевой деятельности, о функционировании языкового сознания, — это явления системные, канон и эталон — это феномены функциональные. Другими словами, у нас есть системные феномены — это прецедентные феномены и стереотипы. Они могут функционировать либо так, либо так, т.е. как канон или как эталон. В некоторых случаях мы можем определить какую-то закономерность. Прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные ситуации могут функционировать как эталоны. Стереотипы — в зависимости от типа стереотипа.

- С.** Я прерву. Видите, как мы расходимся. Для меня канон и эталон более системны, чем стереотип.
- Б.** Стереотип вписывается в эту табличку. Смотрите. Эталон как мера, канон как норма, стереотип тоже норма, но, опять же возвращаясь к лингвистике, я могу сказать, что норма бывает тоже разная, бывает норма литературного языка, а бывает норма в диалекте. Нельзя ли провести параллель, что канон будет изоморфен норме литературного языка (*“Троица” Рублева*), а норма, скажем, стереотипа — это норма, изоморфная норме социального или территориального диалекта.
- К.** На мой взгляд, это не канон. Потому что, когда вы говорите о стереотипах... Я говорю о стереотипах, имея в виду не нормы вербального поведения, а картинки, образы. Есть стереотипы и каноны сознания, а не непосредственно речевого поведения.
- Б.** Почему? Стереотип в области языкового сознания может иметь такую же нормированность.
- С.** Вся наша дискуссия убеждает меня в том, что мы, как Ленин, идем не тем путем.
- К.** Брат Ленина, старший...
- Г.** Знание прецедентных текстов...
- С.** Митя, я уже забываю...
- В.** Свидетельство тому, как изменяются каноны и эталоны.

- С.** Может быть, следует предположить, что ничего этого и нет.
- Б.** Безусловно...
- С.** Знаете почему? Мы приближаемся к очень опасной черте, и нам в связи со всем этим придется объясняться с таким миленьким понятием, как архетип.
- К.** Да. А на самом деле мы туда и идем. Если говорить о стереотипах, мы туда и придем.
- С.** Да, туда и придем. Но тогда, как будем мы сравнивать все это?
- Б.** Смотря, как понимается термин “архетип”.
- С.** Я не буду рассматривать это понятие и соглашусь, пожалуй, с Юнгом. Пусть торжествует Юнг. Что, если все, что мы обсуждаем, можно обозначить другим термином?
- К.** Каким?
- С.** Давайте что-нибудь придумаем.
- Б.** Не надо умножать.
- С.** Тогда можно отказаться от других терминов, которые сразу возникают. Меня очень беспокоят эти множасьиес термины. Я говорил о стереотипе, штампе, клише, эталоне, каноне... Митя упоминал стандарт, эталон, норму...
- Б.** Но это закономерно в научном знании. Парадигма европейского научного знания, которая складывается в Новое время, ориентирована на анализ. И чем глубже анализ, тем больше он провоцирует все более мелкое деление самих объектов и, соответственно, каждому объекту предлагается его ярлычок, т.е. какой-то определенный знак.
- С.** Хорошо. Вышел из положения. Мне заявляет, что не стоит умножать сущности без нужды, а потом говорит, что именно так идет развитие мировой науки. Оно там немножко дробится, мы на него ярлычок наклеиваем и живем спокойно.
- Б.** Мы можем отказаться... выйти в другую парадигму. Тогда нам надо сменить парадигму. Где мы не будем завязаны на этом аналитическом делении. И проблема будет снята. Я хочу поделиться некоторыми мыслями. Если выйти в другую парадигму... Опять же с той идеей, о которой говорил Юрий Александрович. Вот создан “Русский ассоциативный словарь”, и как-то был разговор, что вот словарь есть, надо же теперь что-то с ним делать. Как-то заняться собранным материалом...
- Г.** Определить лексикографический статус! (*Общий смех*)
- С.** Да! Пора определиться!
- Б.** Я так высоко не летаю. Я просто открыл словарь на какой-то страничке и решил поразмыслить над собранным материалом. Я как-то вышел в другую парадигму... Я бы назвал это “то, чем комплексует культура”. Культурные комплексы. Это у Башляра было. Но комплекс понимать не как систему, структуру, которую можно проанализировать. Нет. А комплекс как то, чем *комплексует* культура, человек, личность. Получилась достаточно интересная вещь. Оказывается, этот материал можно опре-

деленным образом проинтерпретировать. Вот то, что касается комплекса, есть набор ассоциаций — неполноценность, недостаток, болезнь, неуверенность... Эдипов...

Г. Почему не Электры?

С. Митя, естественно, вас тянет к Электре.

Б. Это менее распространено. Мало кто об этом слышал.

Г. Давайте вернемся назад.

С. Да, уйдем от комплекса Электры.

Б. Интерпретация такая предлагается. Если привязать это к русской культуре, к когнитивным эмоциям, то, чем комплексует культура. *Рефлексия недостатка*. Недостатка либо в человеке, либо в обществе. Рефлексия неполноценности существования человека и сосуществования людей в обществе. Вот ваши проблемы, возражения по поводу формы, которые были, — это рефлексия комплекса неполноценности сосуществования. С вами не могут сосуществовать, при этом проявляются некоторые характерные свойства личности и аффективные эмоциональные чувства в отношениях между людьми. Это создает неуверенность и стеснительность в поведении, что ведет к закомплексованности и может заканчиваться болезнью. Либо виртуальной, либо реальной. Например, есть феномен мигрени. Не как болезнь мигрень, а как некое состояние души. И затем эта рефлексия объективируется в речи, и вот это создает такую повышенную, напряженную, конфликтную коммуникацию. Коммуникабельность не пропадает, но она приобретает конфликтную, напряженную, повышенную значимость в отношениях между людьми. И это может быть определенным образом изучено. Это стыкуется с тем, что мы обсуждаем, т.е. с некими стереотипами. Я хочу закончить тем, как я хочу вписать в эту табличку стереотип. Он хорошо вписывается, если остаться пока на уровне парадигмы XX века.

С. Мне это очень нравится. Говоря о парадигме XX в., Вы ее...

Б. Мы пытаемся ее сосуществовать.

Г. “Сосуществовать” стал транзитивным глаголом?!

С. Предлагается обналечить парадигму XXI века.

Г. В которой “сосуществовать” станет прямопереходным.

Б. С нормами мы разобрались, а дальше...

С. Я считаю, что с нормой не разобрались.

Б. Изоморфизм эталона норме литературного языка, стереотип изоморфен норме диалектной. Затем, канон допускает существование однотипных феноменов. Стереотип, с моей точки зрения, постулирует такое существование, он заставляет принять только такое существование, а не просто допускает. Третье, возможно тиражирование, ибо уникальный феномен возможно тиражировать, стереотипы обязывают тиражировать. Вот получаем некие полярности. Четвертое, возможность творчества, допускает некую самостоятельность, стереотип в обществе, он провоцирует...

К. Творчество?!

- Б.** Да. Как только общество, личность начинает рефлексировать этот стереотип, он доходит до предела. Человек доходит до некоторого предела в своем поведенческом, речевом, языковом сознании стереотипа. И дойдя до этого предела, он должен или самоликвидироваться, потому что стереотипы не дают ему возможности существовать, либо он должен стереотип преодолеть, его разрушить. Вот творчество Хармса — есть попытка... Ну, его рассказы... Например, про Петю Гвоздикова, знаменитый рассказ... Я как-то его прочитал, и он сложился в определенную картинку, как человек стремится преодолеть стереотип. Т.е. стереотип провоцирует его к тому, чтобы проявить творчество. Значит, Петя Гвоздиков от скуки бродит по комнате, не знает, чем заняться, это уже патология. Можно только повеситься, лишиться себя жизни. Потом он видит молоток. Первый шаг — нужно выйти в некое измененное состояние сознания, подумать, что можно сделать с этим молотком. Забивать гвозди? Это стереотип. Это не выход из ситуации скуки, потерянности и стремления свести счеты с жизнью. И потом Петя... Провокация стереотипа приводит к тому, что он подумал о том, что молотком и гвоздем можно прибить за хвост кошку к порогу. Но это один из вариантов, который его не удовлетворяет. Он продолжает поиски и приходит к тому, что забивать гвозди в рояль — это же выход. Человек наконец реализовал себя в деятельности, он снял это состояние скуки, бездеятельность, он вошел через измененное состояние сознания в новую деятельность, и он спас себя. Таким образом, стереотип провоцирует на творчество. В обязательном порядке.
- К.** Какое же тут творчество?! Он же просто использует... У него никаких мыслей не возникает творческих.
- Б.** Ну почему же?
- К.** Он использует молоток по назначению.
- В.** Забивать гвозди молотком, а не что-то другое делать молотком, — это уже стереотип.
- Г.** Можно я скажу? Думаю, мы смешали разные вещи. Поэтому у Виты и возник вопрос. Как мне кажется, я могу поставить диагноз. Вопрос в том, говорим мы об индивидуальном сознании или о коллективном сознании. Индивидуальное сознание строится на стремлении регулярно разрушать стереотипы и выходить за их пределы, нарушать каноны, отказываться от эталонов. Любое творчество на уровне индивидуального сознания оказывается возможным, потому что есть эти эталоны, эти каноны, эти стереотипы, которые я должен разрушить.
- Б.** И они провоцируют.
- Г.** И они провоцируют, естественно. Но! Самое любопытное, что, как только я выхожу на уровень коллективного сознания, там совершенно противоположная ситуация.
- К.** Конечно.

Г. Потому что коллективное сознание и культура, воспринимаемая не как присвоение индивидом каких-либо норм, ценностей и т.д., а как общественная система, которая вписывает индивида в себя и навязывает ему себя, вот в этой системе стереотип будет максимально ограничивать свободу индивида, и общество само по себе и культура сама по себе будут стремиться максимально ограничить творчество индивида жестко заданными рамками. Рамками, которые задаются определенными стереотипами, эталонами, которые рожают некоторые каноны, и т.д., и т.д. И эта борьба индивидуального и коллективного на уровне как отдельной личности, так и социума, она, да, порождает диалектику этих канонов и стереотипов. Другой вопрос, что одни эталоны оказываются разрушенными и уничтоженными, а другие приходят им на смену... Это — как процесс образования метафоры. Если сперва это что-то новое, яркое, творческое, потом она становится жесткой, застывшей и пр. Вот, по-моему...

Б. Вопрос! А куда же делись малые социальные группы? Человек ведь не одиноличен.

Г. Конечно, нет. Я об этом и говорю.

Б. Социум начинает разрастаться, разрастаться, и, в конечном счете, этот процесс приводит к смене стереотипов.

К. Все правильно, Володя. Но если человек имеет устойчивую установку на разрушение стереотипов, как тогда вы определите себя как входящего в тот или иной социум? Маленький или большой? Ведь одна из функций стереотипов, это не я придумала, это сказано давным-давно, социальная, социально-аффективная. При помощи каких-то стереотипов, стереотипов поведения, стереотипов, к которым мы апеллируем, которыми мы пользуемся, мы показываем свое место на шкале “свой — чужой”. Если я постоянно буду разрушать эти стереотипы, осознанно это делать, то, по определению, я для всех буду чужой, я не смогу быть членом какого-либо социума. А потом, представьте себе личность, которая постоянно нарушает стереотипы.

Г. Установка на нарушение стереотипа — это уже стереотип.

К. Кстати, да.

Б. В малой социальной группе. Я могу принадлежать малой социальной группе, задачей которой будет противопоставлять себя большой социальной группе. Я уже буду не одинок.

С. А зачем вы, Владимир Николаевич, все время себя противопоставляете разным социальным группам? Дело в том, что он от нас куда-то ушел... Володя, у тебя была интересная мысль, по-моему.

Б. Мы вернемся. Пути неисповедимы. Развитие... Поток сознания...

К. Только сначала, Володя, пятый пункт.

Б. Да, и последнее...

Г. Что вы имеете в виду, Виктория Владимировна? (Смех)

К. Пятый пункт таблицы.

- Б.** Строго фиксирована — допускает трансформацию — провоцирует трансформацию.
- К.** Понятно. Давайте теперь вернемся к той интересной мысли.
- С.** Да. Она была интересная. Потому что проскочила в связи с обсуждением ассоциативного словаря идея подхода к анализу состояния, которое было представлено в этом словаре. Эта идея может быть поддержана. И в связи с этим может быть сделан еще один бросок к определению понятия... Чего только? Я затрудняюсь сейчас сказать. Пожалуй, понятия и канона, и стереотипа. Видите, я все время к ним возвращаюсь и их объединяю. Вы знаете, мне кажется, что и канон, и стереотип предполагают присутствие в них некоторого набора требований... Здесь мы возвращаемся к обсуждению проблем нашей предыдущей дискуссии. Я, например, могу предположить, что и в каноне, и в стереотипе живут такие вещи, как, скажем, *смех*, *стыд* и *серьезность*. И если мы будем смотреть с этой точки зрения, то, наверное, и стереотип, и канон, и эталон, можно развести... Если, допустим, в каноне присутствуют все эти три начала, то в стереотипе и в эталоне присутствует, допустим по одному началу или максимум два. И этим они отличаются друг от друга. Я не знаю, насколько это убедительно и вразумительно, но можно предположить следующее. Ведь, и Дима, и Вика недаром говорили о каноне как о какой-то психо-биологической структуре. Так?
- К.** Ну... Биологической я бы не стала ее называть.
- С.** Хорошо, какой-то другой...
- Б.** Возникает еще вопрос о разных модальностях. Все-таки одно дело...
- С.** Посмотрите, почему я на этом настаиваю. Я начну, наверное, с другого конца. Вот интересная картина, которую недавно выявил Фаустов из Воронежа. Он, собственно говоря, всю русскую классическую литературу свел к трем типам. К трем эталонным, не знаю как их назвать, каноническим типам... я не знаю. Он говорит, что существует три категории писателей. Одни элегисты — ориентация на прошедшее. Другие — писатели критического направления. Их интересует апокалипсический исход. И третьи — реалисты. Они ищут начало какое-то, некоторый нуль, от которого можно вести точки отсчета. Если связывать это с тем, что я наговорил по поводу состояний, то оказывается, что в них в принципе определены какие-то единицы, о которых мы с вами говорили. По сути дела именно они могут рассматриваться как некоторый канон русской литературы, так ведь? Но тогда мы снимаем вообще различия между каноном и эталоном, хотя Вика будет на нем настаивать. Но это другой вопрос, потому что для ее работы это очень важно, и это там работает.
- К.** Юрий Александрович, я не буду спорить, что это эталоны. Но насколько это канонично? Понимаете, канон все-таки, на мой взгляд, предполагает, допускает тиражирование, но он... если мы говорим о серьезной литературе, вот об этих типах...
- С.** Тогда степень...

К. ...степень?..

С. ...напрашивается как-то...

К. Не знаю, не уверена. Не уверена. Это некие модели. Я бы сказала так: это модели, которые предполагают их использование. Но вот, кстати, давным-давно я как-то прочитала, что когда появился один из первых мощных компьютеров в мире, то в него чуть ли не всю мировую литературу по сюжетам пытались загнать и вычленили, что вся мировая литература имеет чуть ли не семь всего сюжетов. Сюжетов, понимаете? То есть даже не мировоззрений, а сюжетов. Сюжет — что это такое? Это модель, “сухая” модель. А математикой проверить...

С. О математике не шел разговор.

К. Да, но это какая-то попытка осознать то, что уже сделано. Канон же для меня — это нечто живое. Нечто живое. Это постоянно “используемое”, в кавычках, конечно.

С. Не используемое, тут что-то другое.

К. Да, в кавычках, в кавычках. Это что-то постоянно “проговариваемое”... не воспроизводимое (неудачное слово), а может, и воспроизводимое, не знаю. Во всяком случае — это нечто живое.

С. Ориентированное.

К. Ориентированное, да.

С. То, на что ориентируются.

К. Да, пожалуй, то, на что ориентируются, может быть. Но то, что Вы сказали ранее, — это попытка осознать... может быть, они, конечно, каноничны в чем-то. Но если мы сравним то, что Вы читали (канон в иконописи), и вот это — все-таки для меня это разные вещи. Потому что тот канон — *как* и *что* должно быть изображено на иконе — диктовал последующее тиражирование. А вот эти три модели — они ничего не диктуют.

С. Понятно. Тут дело вот в чем. В принципе они не диктуют качества. Но у них особенность другая. Если они таковы, а мы говорим, что они именно таковы, то они диктуют определенную аранжировку вербального материала, выбор определенных тем, из которых они не могут никогда выйти. В этом смысле они каноничны.

Г. Осознанно или неосознанно?

С. Это уже другой вопрос.

Г. По-моему, это важный вопрос.

С. Это важный вопрос, но очень сложный. Другой вопрос тогда, встречный.

Б. Это плеяда. Как, например, плеяда тютчевской поры.

С. Ну, допустим.

Б. Или Чехов и писатели его времени. Они все стереотипны.

Г. Знаете, а может быть, сказать вот так: канон (из того, что сейчас обсуждали) — это все-таки вещь осознаваемая, это вещь, на которую я ориентируюсь и совершенно сознательно.

- Н.** Да, она носит объективированный характер, она кодифицирована.
- Г.** Да. А стереотип, на мой взгляд, в этой ситуации будет вообще не очень осознаваем.
- К.** Правильно.
- С.** Как правило.
- Б.** Это зависит от уровня развития культуры.
- С.** Нет-нет, Володя, ну что Вы!
- Б.** Почему? У меня же может быть словарь! Ведь в принципе я же могу, например, создать словарь стереотипов и на этом играть.
- Г.** Хорошо, но это уже последующая рефлексия лингвистического, философского, вообще любого другого сознания. На уровне все-таки обычного сознания — я сомневаюсь, что это осознанно. На уровне обычного сознания стереотип, на мой взгляд, существует неосознанно.
- Б.** Тоже осознанно. Я хочу привести пример. Я недавно на видео смотрел фильм, американский, который построен на стереотипах. То есть это уже определенный уровень эволюции культуры, которая начала кодифицировать стереотипы. Там есть такой фрагмент: (ну, это, естественно, комедия) там двое перед полетом идут, разбивается зеркало, они проходят под лестницей... еще там что-то происходит в таком же духе...
- К.** Они могут быть осознанны, то тогда это что-то другое. Потому что стереотипы проявляются... Помните сериал по Крайтону “Скорая помощь”?
- С.** Я это не смотрю.
- К.** А я его смотрю в первую очередь с одной единственной целью — мне интересен стереотип поведения там, потому что в фильме разные экстремальные ситуации, и мне интересно, как “естественные”, “нормальные” американцы ведут себя в такой ситуации — скорая помощь, приемное отделение. Очень многие вещи мне кажутся по меньшей мере странными: взаимоотношения между коллегами, взаимоотношения между пациентом и врачом, взаимоотношения внутри этого коллектива, внутри этой “толпы”.
- В.** Это скорее особый социум.
- К.** “Толпа” по Московичи — я с иронией это сказала. Вот эти стереотипы у них не осознаваемы. Мы их начинаем “ловить”, потому что они не такие, как наши.
- В.** Да-да, правильно.
- К.** Если американец будет смотреть, как мы общаемся, очень многие вещи ему будут резать слух и глаз, но мы-то этого не осознаем. Об этом, кстати, Уфимцева писала, что очень многие этнические стереотипы не поддаются саморефлексии.
- Б.** Возражу на это.
- К.** Я бы тоже возразила этой категоричности: они поддаются саморефлексии тогда, когда мы сталкиваемся с другим. А так — очень многие вещи мы не осознаем.

- Б.** В качестве примера тогда — из того же телевидения. Если бы это было стопроцентно верно, тогда не возник бы сериал “Грейс в огне”. А это же их собственный сериал!
- К.** Правильно, но разве это осознанно всеми? Нет! Это появился человек, тот самый, который нарушает стереотипы. Но для того, чтобы их нарушить, их надо осознать, да? То есть появляется человек, который — это индивидуальное сознание! — который может создать вокруг себя группу и т.д., но тем не менее это всегда в первую очередь феномен индивидуального сознания и восприятие мира на уровне индивидуального сознания: я это анализирую, я это осознаю, я создаю что-то в противовес. Но те же американцы будут вести себя так, как они и ведут. Разбитое зеркало — я могу понимать, что это стереотип или не стереотип. Да, есть какие-то вещи на уровне примет, на уровне суеверий. Вопрос, насколько это стереотипы, но это другой вопрос.
- Б.** Нет, насколько они кодифицированы уже в культуре. То есть не на уровне бессознательного, а на уровне осознанной рефлексии. И потом, давайте не будем трогать американцев. Давайте поговорим о нас с вами: ситуация кухни 70-х годов. “Кухни” — в кавычках: “разговоры на кухне”. Это же не отдельно взятая личность! Это даже не микросоциум... Он рефлексировал самого себя, он рефлексировал фактически вот эти стереотипы.
- С.** А о чем спор идет, Вы можете мне сказать?
- К.** Насколько осознанны стереотипы. Володя считает, что это осознаваемо.
- Б.** Это зависит от уровня бессознательного... Да, т.е. какая-то ступень эволюции культуры предполагает наличие стереотипов на бессознательном уровне. Ни канонов, ни эталонов тогда вообще нет, стереотип тоже не рефлексировался, он существует довольно бессознательно. Затем, по мере эволюции культуры происходит формирование вот этих всех осознанных, как бы кодифицированных элементов.
- С.** Какой культуры?
- Б.** Любой культуры.
- С.** Это разные, извините, вещи.
- Б.** Ну, наша, например, отечественная культура после 17-го года.
- С.** Нет, она очень большая, и, кроме того, в ней существуют разные все-таки субкультуры. Вы о какой культуре все-таки говорите, Володя?
- Б.** О такой, которая может рефлексировать. Ну, например, крестьянин в деревне тоже дает себе отчет в том, что существуют какие-то определенные...
- К.** ...каноны...
- Б.** ...стереотипы, я бы сказал.
- К.** Каноны! Каноны. Если он знает, что, войдя в дом, он должен перекреститься на красный угол...
- Б.** Это канон или стереотип?

- В.** Это канон.
- К.** Может быть, это стереотип поведения, но это не стереотип-представление. Стереотип поведения и канон, вот здесь они очень близки. Но мы-то говорим о других немножечко стереотипах.
- С.** А я говорю о другом вообще каноне. *(Общий смех.)*
- Б.** Канон — это когда Григорий Нисский осмысляет, почему нужно креститься.
- С.** Значит, он ближе ко мне.
- Б.** Когда крестьянин входит в избу... “Гром не грянет — мужик не перекрестится” — это стереотип. Просто уровень осмысления этого стереотипа в той же деревенской культуре. Есть просто малограмотный бедный крестьянин, которому вообще ничего, кроме бутылки, не надо, а есть там же, в этой же деревне некий знахарь.
- К.** Очень хорошо! Так это мы снова перейдем на уровень чего? На уровень индивидуального сознания.
- Б.** Почему? А может быть корпорация знахарей. Это зависит только от количества людей в малой социальной группе, в деревне.
- К.** Конечно, но это все-таки в первую очередь чьи-либо индивидуальные знания. И неважно, будет это корпорация или не будет, будет малая группа или нет.
- Б.** Это уже коллективные знания.
- К.** А-а, коллективные знания, а я-то говорю о коллективном сознании.
- С.** Так, нам еще коллективного знания не хватало!..
- Красильникова.** Меня терзают смутные сомнения...
- С.** Да, Варя!
- К-ва.** Мне кажется, что как только стереотип начинают рефлексировать, как только его осознают как стереотип, это значит, что мы уже как бы вышли из стереотипа.
- Г. и К.** Вот!
- С.** Вот об этом и речь!
- К-ва.** Как только стереотип осознается как стереотип, значит, есть что-то другое.
- Б.** Есть что-то кодифицированное, какая-то норма стереотипная.
- К.** Вот! Вот! Есть норма!
- Б.** Стереотипная.
- К.** Есть канон. Мы можем называть это как угодно, но это будет норма, это будет канон, это будет все, что угодно, но не стереотип!
- Б.** Почему? Ну, это мы опять возвращаемся...
- С.** Это называется миноносица напала на миноносицу. *(Общий смех.)*
- Б.** Хорошо, другая проблема: можно ли приложить понятие нормы к диалекту? В принципе это однопорядковые явления. Если мы скажем: да, норма приложима не только к литературному языку, но и к диалекту, —

- тогда мы будем говорить, что норма приложима и к канону, и к стереотипу.
- С.** Я хочу в связи с этим еще больше запутать вопрос. И запутать тем самым Базылева, пускай дальше запутывает нас.
- Б.** Я пытаюсь вывести на смежные проблемы.
- С.** Ничего себе смежные! Спасибо Вам.
- Б.** Я провоцирую.
- С.** Я понимаю, Вы играете роль провокатора.
- Б.** Да. Провоцирую трансформации.
- С.** А вот интересно, в связи с нашими разговорами, — а что такое имя? И имя собственное, и любое другое.
- К.** Вот сейчас Митя нам все расскажет.
- С.** Эталон, стереотип, канон, стандарт... что там еще у нас было?
- К.** Нет, Юрий Александрович, стандарт как раз однозначно нет. Митя как раз говорил, что стандарт в этом случае — совершенно нерелевантная категория: здесь два полюса.
- С.** Да, он говорил об этом.
- К.** То есть стандарта и нормы здесь вообще быть не может.
- Г.** Имя — это вообще не канон, не стереотип, не эталон и ничто. Имя — это имя. Это знак. Знак эталона.
- С.** Знак эталона?
- Б.** Знак эталона? Нет, этого не может быть. Эталон — это...
- Г.** Эталон — это некая...
- К.** ...функционирует как эталон...
- Б.** ...это метаязык.
- К.** Имя, прецедентное имя *функционирует* как эталон.
- С.** Нет-нет-нет, стоп-стоп-стоп. Не только прецедентное имя.
- Г.** Не только прецедентное, не только.
- С.** Я говорю имя как таковое.
- К.** Смотря какое имя.
- С.** Любое.
- Б.** Наричательное или собственное?
- К.** Вот! Наричательное или собственное — они будут себя по-разному вести.
- С.** Хорошо, имя собственное — это что такое?
- Г.** Опять — какое имя собственное?
- С.** Любое.
- Б.** *Владимир*.
- Г.** Так, давайте рассмотрим: воплощенное или невоплощенное имя собственное?
- Б.** К эталону это не имеет отношения. Здесь нет характеристики воплощенности, в эталоне. В принципе каждое имя существует, например, в святцах. Святцы на то и существуют...

С. То есть святцы — это канон?

Г. Да.

Б. Святцы? Да. Но опять-таки — смотря какие: бывают официальные, бывают неофициальные. Неофициальные ближе к стереотипу, официальные ближе все-таки к канону.

С. А между прочим у Булгакова (Сергея Николаевича, если не ошибаюсь) — “Имя как ономастический скелет человека”. Как Вам это?

Б. Тогда это мерило. Тогда это близко к мере.

С. Ну вот, начинается... А скелет Вам не напоминает эталон?

К. Нет.

Б. Нет.

К. Я вообще, честно говоря, не уверена что эти категории — эталона во всяком случае — применимы к каким-то конкретным языковым единицам, типа, не знаю, “умный, глупый”...

С. Канон, да?

К. Я не уверена, что канон и эталон применимы к таким вот конкретным единицам языка, в том числе и к именам собственным.

Г. Для меня эталон — это представление некое.

К. Вот! Вот!

Г. Это нечто идеальное все-таки.

С. А имя? Имя тоже ведь может быть тогда некоторым представлением. Флоренский писал об этом.

Г. Имя открывает представление. Имя — знак представления. Но не само представление.

Б. Но мы смешиваем тогда психику и непсихическое.

С. Начинается...

Б. Представление — это все-таки из несколько другой области.

С. Подождите-подождите. Отвлекитесь. Смотрите, Флоренский ведь потратил массу усилий, чтобы восстановить то, что стоит за именем. То есть пометить некоторые представления, стоящие за именем собственным.

Б. Не просто представления. Ведь за ним стоят стереотипы поведения.

С. Не только. Не только. Но он был очень осторожный человек. Он только указывал на некоторые личностные качества, стоящие за этим именем, как он считал, совсем нерушимо. И откуда они берутся, он тоже не обсуждал.

К. Но это бытует в коллективном сознании? Вы уверены, что для любого русского *Константин* обладает определенными качествами? Любого. Скажите ему, что вот это — Константин, и он Вам скажет, какой это человек?

Б. Нет, человек, который не приобщен к этому знанию, он вообще не сможет ничего определить.

- К.** Так вот вопрос тогда в том, насколько мы вообще здесь можем говорить об эталонах, стереотипах и канонах. Для меня эти вещи — да, стереотипы; и ассоциации здесь во многом локальны. Это абсолютно правильно. Это элементы коллективного... сознания или бессознательного, я не знаю. Но если *Константин* как носитель определенных качеств существует для определенной очень узкой группы людей, то насколько мы можем вообще говорить о применимости категорий канона или эталона.
- Б.** Ведь канон тоже существует для узкой группы людей.
- К.** Но я не берусь тогда эти вещи обсуждать, потому что на этот вопрос может ответить только человек, принадлежащий к этой узкой группе. Может быть, Вы можете ответить на этот вопрос: как канон или как эталон функционируют такие имена собственные, за которыми стоят комплексы дифференциальных признаков.
- С.** Мне легче ответить, потому что у меня все-таки другая точка зрения. Я ушел, как видите, от канона. Я попытался устранить канон как таковой из контекста нашего рассуждения, считая, что с ним все более-менее ясно для меня: это признак всех вторичных знаковых систем. Если соглашаться с этим, то тогда я имею дело с одной только единицей — с эталоном. И тогда — да, в этом смысле имя собственное — некоторый эталон. Он может, этот эталон, осознаваться или не осознаваться — это уже другое дело, это зависит от человека и от целой совокупности других условий, но все-таки тогда это — эталон. Я не могу сказать, что это стереотип.
- Б.** И в связи этим... Если пойти по этому пути, т.е. остаться в рамках парадигмы, тогда в принципе трехчастной парадигмы не получается, а получается двухчастная парадигма. Тогда получается все достаточно просто: либо мы имеем дело с метаязыком, либо — с метатекстом. И тогда то, что мы называем эталоном, — это метаязык, а канон — это метатекст. Например, *Константин* или *Владимир* — это метатекст, а “*Мир есть материя*” — это метаязык.
- К.** Это красиво.
- Б.** Тогда, соответственно, эталоны подверстаются под метаязык, потому что возьмите *сантиметр* — что это? Это нечто, что требует для себя метаязыка: нужно знать, что такое сантиметр, метр, километр, т.е. нужно владеть метаязыком, да? Что такое язык? Это система и структура. Чтобы понять, что такое язык, мне еще надо сначала выучить термины “структура” и “система”. Это не каждому студенту дано, между прочим. На первом курсе никто не может никак различить систему и структуру. Это сложно. Это требует принудительного обучения. А метатекст — это гораздо проще. Это однопорядковые явления. И канон и стереотип — это разный уровень градации этого метатекста. И тогда имена вписываются в метатекст. То есть я расшифровываю *Владимира* за счет текста.

- И контекст сюда можно тоже подверстать. И тогда канон и стереотип — разные градации метатекста.
- К.** Сама мысль мне страшно понравилась. Но меня сомнения обуревают, не мера ли тогда метатекст?
- Б.** Любой текст может быть разложен на составляющие. Ведь в метатексте могут быть совершенно элементарные процедуры: например, два слова — типа *“царь-девица”*. А могут быть более сложные структуры. Вот в японской поэтике есть прием сцепленных строк, где в зависимости от того, какая строчка предшествует, срединно, и какая за ней следует срединная строчка, могут создаваться различные оттенки за счет иероглифического написания, за счет прочтения иероглифов в разных сочетаниях, и, соответственно, эти три строчки могут давать совершенно различную комбинацию смыслов. Это сложный метатекст. Но это все тот же метатекст, потому что уровень фиксации, предположим, в японских хайку, он достаточно прозрачен, т.е., например, *“на побережье рыбачья хижина, как грустно жить одному в этой рыбацкой хижине”*, а третья строчка может развивать другой план — *“на берегу стоит рыбачья хижина, как интересно здесь встречаться с любимой”*. Это более сложная процедура, но это тот же метатекст. Мне не нужно для этого учить какой-то другой метаязык. И так же человеку, который крестится, входя в избу, ему не нужно учить какой-то метаязык, т.е. ему не нужно учить, например, 10 заповедей. Это уже метаязык. Это мне нужно знать массу вещей, что такое проповедь и т.д.
- Г.** В данном случае, когда человек крестится на красный угол, я не уверен, что он знает символику того, что он делает...
- Б.** Нет, конечно. Это Вы правы.
- Г.** ... и почему он крестится справа налево, а не слева направо, почему тремя пальцами, а не двумя и т.д.
- С.** Кстати, может быть, тогда пойти по такому пути? Смотрите, ведь тогда получается интересная штука какая. Канон — генотип, эталон — фенотип.
- Б.** Да, некоторая эволюция... Генотип и фенотип обладают принадлежностью к эволюции.
- С.** Эволюция пускай будет. Смотрите, какая интересная вещь. Он говорил, что многие имена представляют собой нечто непонятное, то, что можно назвать алгебраическими именами. А возникновение того, что говорил Володя о тексте, о тексте как расшифровывающем нечто, можно это назвать совокупностью предикатных имен, и тогда совокупность эталонов есть совокупность предикатных имен, которые мы выстраиваем по отношению генотипа, или алгебраического имени. Тогда мы приобретаем некоторую устойчивость в рассуждении. Володя призывал не приумножать сущности, ну это, действительно, так. Если мы будем пытаться сочленять все, ныне существующее, и разбираться, как они сцеплены, мы

- погибнем, наверно. Нужно какое-то остранение от этих существующих терминов и выработка каких-то иных точек отсчета.
- Б.** Ведь речь идет о каких объектах? К которым могут быть приложены разные имена.
- С.** Совершенно верно.
- Б.** При этом нужно тогда оставаться либо на позициях, что имя, измененное, может быть приемлемым, либо изменение имени мы не приемлем.
- С.** Можно и так.
- Б.** А это зависит от того, в какой парадигме мы остаемся.
- С.** Так в какой же тогда парадигме мы остаемся?
- Б.** Либо мы будем надеяться, что что-то измениться, либо не будем надеяться на изменения в жизни...
- С.** У нас еще осталась одна проблема, которая так или иначе касается... Все равно нас будут об этом спрашивать: сознаете ли Вы, что Вы рассуждаете в рамках своей культуры? Возможен ли перенос всех Ваших рассуждений на другую культуру, на культуру даже не другого, а близкого типа?
- К.** Возможен.
- С.** Основания?
- К.** Что касается конкретных проявлений всех этих вещей, конечно, они будут специфичны. Но если мы правильно придумали, выявили саму систему, которая касается *миро-воз-зрений* человека, то она, наверно, будет более или менее универсальна. Если она не будет работать, то что-то у нас в самой системе не то.
- Г.** Я не могу считать себя человеком в этой области бесконечно начитанным, но, насколько мне известно, в этой области написано очень много — об особенностях мифологического мышления, которое строится вокруг прецедентов. Конечно, я понимаю, что мышление современного человека несколько отличается от мышления человека традиционного общества, но основные некие архетипические черты, на мой взгляд, сохраняются. И все равно мы продолжаем выстраивать некий пантеон эталонных представлений, неких порождающих моделей, которые задают нам наши модели поведения. В этой роли выступают прецеденты, на которые мы ориентируемся.
- С.** Но, может быть, тогда стереотипы и есть современные мифологемы?
- К.** Что-то мне мешает согласиться с этим.
- С.** Ну давайте назовем это не мифологемами, чем-то другим.
- К.** Тогда давайте называть это не стереотипами, потому мне в этом случае начинает мешать этот термин, поскольку я под стереотипом понимаю нечто другое, и в нашей дискуссии мне приходится постоянно помнить об этом, чтобы понять, о чем Вы говорите.
- С.** Стереотип для Вас есть некоторое представление, да?
- К.** Да.
- Б.** Ну хорошо, давайте тогда назовем это комплексом.

С. Тогда стереотип — это что? Культурный комплекс?

Б. Давайте введем родовое понятие. Существует мышление, языковое сознание. С моей точки зрения, мы можем все это экстраполировать на другие культуры, потому что, если мы говорим, что мышление человека как биологического вида не может быть разным по своим функциональным характеристикам (иначе мы предполагаем различные биологические виды), тогда принципы функционирования языкового сознания должны быть однотипными, одинаковыми. Потому что те же модули, на которых базируется сознание, т.е. те модули, через которые поступает информация (зрительная, тактильная, слуховая и прочие), одинаковы у человека как биологического вида. Значит, языковое сознание изначально функционирует одинаково. Наверное, накладываются разные привходящие особенности, зависящие от климата, территории и т.д. Т.е. это некий фенотип. Но если мы остаемся в парадигме того, что языковое сознание одинаково, то, соответственно, родовые и видовые понятия, которые мы пытаемся выработать, приложимы в принципе к человечеству. И можно предложить именно родовое понятие — культурный комплекс. А дальше можно его конкретизировать: в разных культурах будет разный набор, разная аранжировка составляющих. Т.е. в одной культуре, скажем, в первобытной, будет преобладать стереотип и вообще не будет эталона, а в другой культуре — она может быть “зациклена” на эталонах. И может быть такое состояние культуры, где вообще нет стереотипов.

К. Ой ли!

С. Вероника Николаевна Телия сегодня не смогла прийти, но давайте вспомним то, что ее интересовало: проблема идентификации.

Г. Но прежде я хочу все-таки расставить точки и предлагаю участниками дискуссии еще раз, четче высказать свою точку зрения. В частности — насчет метатекста и метаязыка, о которых мы говорили, потому что это мне все-таки не до конца понятно.

К. Насколько я поняла, стереотип как термин мы оставляем в покое, поскольку мы пришли к необходимости обозначить то, о чем мы говорили термином (пока рабочим термином) — культурный комплекс, правильно?

Б. Да, культурный комплекс. Или просто “комплекс”, чтобы показать, что кто-то “комплексует”.

К. Хорошо, комплексует и рефлексивует.

Б. Это не обязательно.

К. А вот это очень важно. Итак, мы начинаем с этого — с культурного комплекса, да? Дальше мы говорим, затрагивая функциональный уровень...

С. Вика, тогда назовем это сразу, потому что все-таки это нужно сделать. *Культуральный комплекс.*

Б. Меня смущает термин “культуральный”.

- С.** А меня смущает термин “комплекс”, потому что нас сразу же будут спрашивать об определенных типах комплексов в психопатологии, в психодиагностике и т.д. Поэтому нам надо все четче определить.
- Б.** Но с культурой все несколько сложнее. Ведь культура (сама по себе) это тоже определенный термин, который понимают в приложении к любой социальной структуре.
- К.** О-го!
- С.** Вот это да! Ну ладно...
- К.** Может быть, тогда нам проще договориться, по кому мы будем понимать культуру и по кому — комплекс? Вот так будет, наверное, более или менее понятно.
- Б.** Я думаю, что нужно, наверное, оставить односложные термины: у нас есть канон, эталон, стереотип и — комплекс. Они все односложные.
- С.** Но комплекс какой?
- Б.** А что значит какой? С таким же успехом я могу спросить: канон — какой? Вопрос “какой” можно задать к любому термину. Вот есть эталон — к нему же не задают вопроса “какой?”. И есть комплекс.
- К.** Но нам стоит, наверное, попробовать определить.
- С.** Определить, да!
- Г.** Да, вот что такое комплекс?
- Б.** Пожалуйста! *Комплекс — это рефлексия чего-то.*
- С.** Над чем-то.
- Б.** Над чем-то. Рефлексия какого-то недостатка в человеке и обществе (это я просто повторяю то, что я читал), неполноценности существования человека или сосуществования общества. Например, психосоматические состояния, проявления характерных свойств личности или объективных эмоциональных чувств в отношениях между людьми, что создает неуверенность и стеснительность в поведении, ведущих к закомплексованности, и может заканчиваться болезнью (патологией). Рефлексия, объективируемая в речи, создающая зачастую повышенно напряженную, конфликтную коммуникабельность между людьми.
- С.** Тогда назовем это *характерологический* комплекс.
- Г.** Я прошу прощения, а какое это имеет отношение к эталону?
- К.** Вы знаете, честно говоря, мне это не очень нравится. Если в двух словах... Не помню, кто из великих сказал, что если ученый не может изложить свою теорию в семи словах, половина из которых матерных, то это либо теория плохая, либо ученый никудышный. Обойдемся без половины матерных слов и попробуем определить это вкратце. Итак, *комплекс — это осознание какого-то недостатка*, да? Или дефектности.
- С.** Но ведь может быть и наоборот, Вика?
- К.** То есть?
- С.** Не обязательно недостатка. Володя настаивает на недостатке.
- К.** Так вот почему я и предложила такую формулировку: я пыталась это определение свести к минимуму.

- Б.** Все правильно: это действительно рефлексия недостатка. Рефлексия недостатка. Потому что эталон в общем-то возникает из осознания того, что наше знание недостаточно, и мы пытаемся привести его в урезанном виде и таким образом выжить в этом мире.
- К.** Т.е. эталон выполняет компенсаторную функцию.
- Б.** Компенсаторную функцию. Компенсируется что? Недостаток. Достаток и избыток не могут компенсироваться.
- К.** При таком понимании комплекса — да.
- Б.** Вот определение комплекса: *комплекс есть рефлексия недостатка*.
- С.** А ведь кто-то призывал к одному слову.
- Б.** Это определение в двух словах.
- Г.** Это понятно. Хорошо.
- К.** Значит, эталон выполняет компенсаторную функцию. То есть это нечто, что восполняет ощутимый недостаток.
- Б.** В точности, например, измерения расстояний. Канон тоже восполняет недостаток в возможности человека передать (в реализации), например, невидимую сущность Бога. Т.е. человек не может передать вот это невидимое, он каким-то образом его восполняет.
- Г.** Я бы даже сказал, если это уточнять, канон еще, вероятно, восполняет недостаток способности к выбору из бесконечного числа вариантов, которые возможны.
- Б.** Да.
- Г.** И он предлагает очень ограниченное количество таких вариантов.
- В.** Ограниченное?
- Г.** Да-да.
- С.** Тогда у Вас эталон существует внутри комплекса как оптимальный вариант.
- К.** Да. Да.
- Б.** Да. А здесь уже количественные характеристики. И стереотип — это тоже попытка восполнить недостаток.
- Г.** Вот теперь мне стало понятно.
- С.** Ну, что же, вот теперь хорошо получается. Если мы разведем это и скажем, что канон относится к области вторичных знаковых систем, то стереотип покрывает потребности в компенсации недостатков в узуальном поведении. В нашем бытовом, обычном поведении.
- Г. и К.** Да. Да. Да.
- Б.** Да. Уровень выживания.
- С.** Тогда мы оправдываем появление слова “комплекс”.
- К.** Да.
- С.** И комплекса, может быть, даже в психиатрическом понимании.
- Б.** Да-да, Вы абсолютно правы.

- С.** Но тогда его все-таки нужно назвать. Все-таки нужно назвать. *Компенсаторный* комплекс, я не знаю. Давайте это сделаем. Володе этого не хочется, но все-таки...
- Б.** Я предлагаю научной общественности пока только подать идею, что можно так. А дальше, может быть, кому-то, например, какому-нибудь аспиранту придет удачная мысль.
- К.** Мне все-таки ближе проблема “культурального комплекса”.
- С.** Ну что ж, давайте остановимся на нашем рабочем варианте *культурального комплекса* и оставим его пока так.
- К.** И теперь мы возвращаемся к проблеме метаязыка и метатекста, да?
- С.** Да.
- К.** И это уже идет функциональный аспект, как я понимаю. Правильно, Володя?
- Б.** Нет, потом мы должны... нет, если мы остановились сначала на комплексе как родовом понятии...
- К.** Да.
- Б.** Тогда мы должны объединить видовые понятия, а видовые понятия мы должны будем интерпретировать через привлечение либо метаязыка, либо метатекста. Но мы остаемся в тройственной парадигме: эталон, канон, стереотип — или мы оставляем два?
- Г.** Я полагаю, что в данном случае мы не должны стремиться прийти к единой точке зрения, потому что мы этого не сможем.
- Б.** А научной общественности что мы предложим?
- Г.** У научной общественности может быть 5 точек зрения, каждая из которых в данном случае высказана. В каких-то ситуациях они перекликаются, в каких-то — нет. Мы не создаем коллективной монографии в данном случае, в чем прелесть нашего общения, как я понимаю.
- К.** Во всяком случае, насколько я поняла, общий “корень” был найден.
- С.** Да.
- Б.** Т.е. мы делаем открытый ряд: стереотип, канон, эталон и...
- С.** Комплекс.
- Б.** Нет, комплекс — родовое понятие.
- С.** Вы все-таки настаиваете, что это родовое?
- Б.** Конечно.
- Г.** По-моему, да.
- Б.** Каноны и эталоны — видовые, это второй уровень.
- К.** Сразу могу сказать, что мне не очень нравится включение сюда стереотипов. Канон и эталон, с моей точки зрения, сюда ложатся очень хорошо. Со стереотипами у меня вопрос, так скажем. Есть у меня некоторые сомнения.
- Г.** Хорошо. Эти сомнения были высказаны, мы их зафиксировали.
- К.** Хорошо, идем дальше. Проявляются и канон, и эталон, и, возможно, стереотип...

- Б.** Нет, не проявляются.
- К.** А какое у Вас было слово?
- Г.** Реализуются?
- Б.** Нет-нет...
- К.** У Вас какая-то была очень хорошая идея.
- С.** Ну, собственно говоря, канон и эталон с Вашей точки зрения — это некие инструменты реализации опыта.
- Б.** Нет-нет-нет... И дальше, третий уровень — это объективация.
- К.** Вот, объективация, очень хорошо.
- Б.** Т.е. это — некие элементы сознания.
- К.** Прекрасно.
- Б.** Элементы языкового сознания. Они могут объективироваться каким-то образом. Они могут объективироваться на уровне метаязыка.
- К.** Эталон, да?
- Б.** Да. Либо на уровне метатекста.
- К.** Канон. Очень хорошо.
- Б.** Либо, очевидно, если оставим в стороне язык, то это может объективироваться и на уровне невербальном. И тогда третий ряд у нас будет вербальный / невербальный. На невербальный уровень попадают, естественно, стереотипы, а может, и каноны туда попадают. Эталон на невербальный уровень, конечно, не попадет: он в любом случае требует вербального уровня для осмысления.
- С.** Эталон? Не всегда.
- К.** Я в этом тоже очень сомневаюсь. Я бы сказала наоборот.
- Г.** Я попробую объяснить, в чем тут дело. Если я правильно понял мысль, то я с ней соглашусь. Все дело в том, что, на мой взгляд, то представление, на которое указывает эталон, принципиально не вербализуется. Но знак, принадлежащий языковому сознанию по определению, — с ним мы можем вести некие операции.
- Б.** Тогда вопрос: а разве эталон не является результатом именно вербального элемента? Эталон, с этой точки зрения, может быть описан только на вербальном уровне.
- С.** Нет, Володя, Вы не можете за это ручаться. Нужно сказать, что существует вербальная реализация.
- Б.** Эталона?
- С.** Всего чего угодно. И невербальная. Вот тогда все встанет на свои места. Потому что Вы в принципе можете иметь некоторый эталон, который в принципе невербализуем.
- Г.** Например, *улыбка Моны Лизы*.
- Б.** Это эталон?
- Г.** Ну Мона Лиза в данном случае, вероятно, служит эталоном данной улыбки.
- Б.** Разве это не канон?

- Г. и К.** Нет.
- В.** Я полагаю, что нет.
- С.** Нет. Она не может быть канонической. Она живет по канону.
- В.** Может быть, да.
- Г.** Да.
- К.** Скорее — в нарушение канона.
- С.** А может быть, в нарушение канона, да. Но это — эталон.
- Г.** Но сама по себе вербализация здесь вряд ли возможна. Я не могу вербализовать эту улыбку.
- С.** По-моему, сонмы искусствоведов пытались вербализовать эту улыбку.
- Б.** По-моему, наоборот. Вот это и есть вербализация. Улыбки как таковой нет.
- К.** Как?!
- Б.** Есть только вербальная фраза “улыбка Моны Лизы”. И все!
- К.** Нет-нет-нет!
- Г.** Это знак невербализуемого представления.
- К.** Конечно!
- Г.** Вот как бы я сказал.
- С.** Хорошо. Если Володя идет по этому пути, он не увидит там улыбки.
- Б.** И никто не видел. Я знаю только фразу.
- С.** Но мы тогда можем это перебирать. Мы скажем, что есть “оскал” или “ухмылка” Моны Лизы... (*Общий смех.*) Пожалуйста! Но смысл нашего спора это не меняет, потому что мы это тоже вербализовать не можем.
- К.** Да.
- Б.** Так наоборот, существует только вербальная форма, потому что оскала-то нет.
- К.** Это знак.
- В.** Ну, хорошо, а если мы возьмем не Мону Лизу, а возьмем просто эталоны приличия?
- Б.** Эталон приличия или стереотип?
- В.** Эталон.
- Г.** Я бы не сказал “эталоны”. Для меня это все-таки не эталоны.
- Б.** Я хочу пояснить свою мысль. Мне кажется, что нарастание от невербальности к вербальности в культуре — этот ряд эволюционный, наверное, да? Т.е. идет по нарастающей. Т.е. эталон не может, например, присутствовать в первобытном сознании. Эталон — это продукт вербальной деятельности культуры.
- С.** Почему вербальной?
- К.** Почему вербальной?
- С.** Почему?
- К.** *Сантиметр* — это что? Это вербальное?
- Б.** Да, для того, чтобы прийти к созданию этого эталона, нужно было создать чисто вербальную теорию.

- С.** Ничего подобного.
- В.** Наоборот.
- С.** Наоборот. Вот здесь, кстати, большие споры.
- К.** Число π — это что?
- Б.** Вербальное. Чисто вербальный продукт.
- К.** Какой же это вербальный продукт?
- Б.** Чисто вербальный. Математика. Семиотическая система. Чисто семиотическая система. Она никакого отношения к категории реальности не имеет.
- С.** Володя, вопрос: что есть что. С точки зрения эволюции. Ведь для того, чтобы Вы вербализовали что-либо, Вам необходимо сформулировать образ.
- Б.** Хорошо, давайте не будем уточнять эволюционные аспекты.
- С.** Да, давайте не будем уточнять, потому что с ними сложно, и есть идея, что все-таки невербальное предполагает потом вербальную реализацию.
- Б.** Хорошо. Значит, эталон предполагает реализацию на уровне либо метаязыка (с привлечением метаязыка и создание метаязыка), либо метатекста (уже имеющихся текстов). А это выход уже в тексты, функционирование текстов в культуре и т.д.
- К.** Да-да.
- С.** Тогда — идентификация.
- Г.** В каком плане?
- С.** Вероника Николаевна задавала вопрос: что такое идентификация?
- К.** В порядке рассуждений. Если мы вышли на уровень какого-то культурального комплекса, то, во-первых, идентификация — осознаваемо это или неосознаваемо, и во-вторых, — если принять этот комплекс — совпадение или несовпадение моего комплекса (который соответствует тому, о чем мы здесь говорили) с комплексом глобальным. Если этот резонанс существует, то тогда, очевидно, я могу (если говорить на национальном уровне), я могу, может быть, не осознавая тождества комплексов, но тем не менее каким-то образом осознавая какое-то совпадение, считать себя элементом данной культуры, данного этноса. Если где-то есть различия и различия эти носят принципиальный характер, то в этом случае идентификации, наверное, уже быть не может. Пожалуй, так, но это в порядке рассуждений.
- С.** С этим можно, Вика, согласиться. Это действительно так. Или очень близко. И близко моим некоторым соображениям, которые крутились где-то... Это действительно так. Наверное, это все-таки познание, отрицательное скорее всего.
- К.** Да.
- С.** И если привязываться к нашим проблемам, которые тут обсуждались, это, наверное, процесс мгновенного считывания культуральных предикаций, культуральных комплексов, если угодно, которые позволяют сразу же человеку выйти на решение вопроса: он принадлежит к группе

“мы” или к группе “они”. Скорее всего, это так. И тогда, если смотреть с точки зрения привязанности к нашей проблематике, то, наверное, существуют некоторые *генотипическая* и *фенотипическая* личности. Каждый человек вписывает, пытается себя вписать в некоторый конструкт генотипической личности. Если ему это удастся по каким-то показателям, то он говорит, что все благополучно, и он чувствует, что он идентифицировался с кем-то, что для него крайне важно. Вот, по-моему, так можно ответить.

- Б.** Но ведь к этому можно подойти с другой точки зрения. Я тоже над этим размышлял, и сейчас это как-то всплыло. Как в компьютере, который заражен вирусом. Знаете, есть такой вирус, который выхватывает какие-то фрагменты текста, а потом их компоует сам по себе. У меня приблизительно то же самое: такие “осколочные” как бы мысли. Мне кажется, что идентификация все-таки связана с обучением индивида. Обучением индивида культурой. И мне кажется, это обучение носит не какой-то естественный характер (вот я на чем хотел сконцентрировать внимание), а стрессовый характер. Потому что любое обучение носит стрессовый характер.
- С.** Володя, это не всегда так, потому что Вы имеете в виду обучение в том виде, как оно существует сейчас, в наших условиях. Но Вы представьте себе, что обучение... Некоторые африканские дети, когда они попадают в западный мир, действительно переживают стресс, и дело в том, что, видимо, в их среде обучение носит, наоборот, антидепрессивный характер. Обучение традиционной культуре происходит комфортно.
- Б.** Более или менее.
- С.** Обычно.
- Б.** Обучение абсолютно комфортно не может происходить.
- С.** Обычно комфортно. Они благополучные дети, которые становятся неблагополучными неуспевающими детьми именно при системе нашего обучения. Поэтому настаивать на том, что именно так (“стрессово”) это происходит, не стоит.
- К.** Давайте скажем по-другому. Давайте не будем использовать термин “обучение” — культурой, или культуре, или как-то еще.
- С.** Давайте.
- К.** Давайте возьмем термин, который существует в психологии, — социализация.
- С.** Социализация. Да. Социализация, видимо, может быть разной.
- Б.** Нет, социализация, наверное, несколько не то. Социализация может подразумевать бессознательный процесс вхождения, приобретение стереотипов.
- К.** Так оно так и происходит.
- Б.** А идентификация — это несколько другое.
- К.** Так идентификация происходит “на основе” социализации, т.е. я врастаю, извините за такой термин...

- С. ... я расту в стереотипы.
- К. ... я расту в стереотипы, я расту в цивилизацию, как говорил Леонтьев-старший, и после этого я могу себя идентифицировать.
- Б. Предпосылкой идентификации является скорее всего обучение.
- С. Не обязательно, Володя. Но вообще хотелось бы знать, что Вы понимаете под обучением?
- К. Вот!
- С. Это очень важный вопрос.
- Г. Тут, на мой взгляд, все-таки этимология идентификации не столь важна. А вот в плане тех проблем, которые мы обсуждали, вероятно, если я скажу, что культуральные комплексы играют некую парольную роль, их объективация выполняет некую парольную функцию, функцию пароля для своих, осознанную или неосознанную.
- К. Да.
- Г. Это то, по чему мы определяем “свой — чужой”.
- Б. Да.
- Г. И соответственно, определяем себя в этой ситуации. Так или нет?
- К. По-моему, так.
- Г. Как на уровне лингво-культурного сообщества как такового (или этнического), так и на уровне малых социальных групп.
- К. Все правильно.
- Г. Спустишь с высоких материй на конкретику. В данный момент в силу своей работы я очень активно читаю современные газеты. И наиболее интересный речевой материал мне поставляют две газеты: “Московский комсомолец” и “Завтра”, — которые я с большим интересом читаю. Для газеты “Завтра” я обнаружил любопытную закономерность: в 5 номерах этого года 3 или 4 раза упоминаются (в основном в различных генитивных конструкциях) *Пересвет* и *Ослябя*: “наследники *Пересвета* и *Осляби*”, “*преемники Пересвета и Осляби*”. При этом говорится, например, не “православный монах”, а “*преемник Пересвета и Осляби*”. Тут типичный герой-предок, это понятно, идет апелляция к нему и т.д. В пределах данной социальной группы (потому что газета — коллективный организатор, в данном случае это совершенно точно, причем это в чистом виде суггестивный дискурс, конечно: все черты его присутствуют) эти имена выполняют в основном парольную функцию. Кстати, *Иван Сусанин* там, конечно, будет тем, что на национальном уровне достаточно периферийно: патриот. Поскольку для нас все-таки основное — плохой проводник. Там, конечно, периферийное значение выходит на первый план. Дословная цитата: “*Русский экстремизм — это экстремизм Пересвета и Осляби, Ивана Сусанина и Александра Матросова*”. Совершенно очевидна парольная функция данных имен (они очевидно являются паролями в данном случае), за которыми стоят определенные комплексы.

- Б.** Но газета — все-таки неудачный пример. Кстати, газета как коллективный организатор — еще и воспитатель.
- Г.** Здесь сложный процесс. В какой степени здесь идет обучение, если говорить о газете, но с другой стороны, здесь имеет место то, что называется “реификация”, или объективация неких комплексов, которых ждут от меня.
- К.** Конечно.
- Г.** То есть я беру *эту* газету, особенно газеты такого типа — суггестивного. В данном случае не информативность важна и не сообщение новой информации, и не предложение новых моделей, а наоборот, реализация каких-то моих комплексов, которые я, может быть, не могу вербализовать. Но я открываю газету — ах, Боже мой, как это замечательно, это именно то, что я хотел!
- Б.** Я узнаю себя.
- Г.** Да, я узнаю себя. На эту тему написано много исследований по дискурсу. Газеты такого типа абсолютно неинформативны. Идет постоянное повторение одних и тех же вещей. Кстати, я тут чуть-чуть отвлекаюсь, подобный дискурс абсолютно исключает иронию. Серьезность — глобальная. Основная установка — на глобальную серьезность, максимальную. Если можно говорить о пафосе серьезности, то там он как раз представлен очень явно.
- Б.** Но когда я беру повторно газету, я себя уже идентифицирую. Но меня надо сначала приучить к этому.
- Г.** Но тогда уже скорее приучить.
- С.** Володя, здесь нечто другое. Вы всегда думаете о том, что нужно приучить или обучить. Но Вы забываете о том, что приучение или обучение в ряде случаев бывает спонтанным, незаметным и толерантным.
- К.** Конечно.
- Б.** Не бывает.
- С.** Бывает, бывает. А Вы берете другую область обучения — где антитолерантные и депрессивные способы.
- К.** Это как способы дрессировки: есть уголок дедушки Дурова и...
- Б.** Ну да.
- К.** Мне кажется, что газета прежде всего идет по методике дедушки Дурова.
- С.** Конечно. Здесь конфетка самое важное, а не кнут.
- К.** Конфетка, конечно.
- Б.** Но мы же говорим все равно о приучении.
- К.** Приучение и обучение — разные вещи. Я приучаю в том случае, если я знаю, чем можно взять.
- Г.** Конечно, собственно обучения здесь не происходит.
- Б.** Но если я читаю газету “Завтра”, я же ведь могу приучиться?
- С.** Не уверен, что можно приучить Базылева.

- К.** Вы либо приручаетесь, либо наоборот, никогда больше эту газету не возьмете, потому что это либо соответствует тому, что у Вас уже есть, либо не соответствует. Т.е. опять-таки речь идет о том, резонирует комплекс, Ваш, индивидуальный, или не резонирует.
- С.** Вот!
- Б.** А с другой стороны, если в какой-то момент эта газета или я попаду в такую социальную среду, где эта газета будет обязательна, то никто не даст гарантию, что я не стану на позицию этой газеты. Ведь успехи советской пропаганды или фашистской пропаганды в том все-таки и заключались, в своей эффективности, что, вне зависимости от того, как я считаю, я разделяю эти взгляды.
- С.** Я не знаю насчет фашистской пропаганды, потому что мне не удалось жить в эти “счастливые” годы в Германии, а что касается советской пропаганды, то я Вас уверяю, что она была...
- Б.** Но она была эффективна.
- Г.** Сомневаюсь.
- С.** Она была антиэффективна.
- Г.** Вот! Т.к. она совершенно очевидно проигрывала той пропаганде.
- С.** И не будем говорить о том, что “вражий голос” по радио слушали только интеллигенты. Ничего подобного!
- Г.** Ничего подобного.
- С.** У меня Василий Иванович слушал в деревне. Я не знаю, что он понимал из этого, но он делал это и слушал.
- Б.** Но я могу на это возразить, что, если бы она была малоэффективна, сейчас определенная, значительная часть общества не вспоминала бы так положительно то, что было.
- С.** Дело в том, что это не зависит... Оно вспоминает не из-за газет. Берите шире.
- Б.** Но в том числе.
- С.** Это не вербальный, а семиотический контекст. Совсем другое дело.
- Б.** Но ведь это тоже было. Они же их приучили к этому.
- К.** Простите, а Вам не кажется, что этот спор напоминает спор о том, что первично: курица или яйцо?
- С.** Конечно.
- К.** С какой стороны есть яйцо?
- С.** Наверно.
- К.** Газеты не создаются на пустом месте. Газеты должны иметь свою аудиторию. Естественно, что люди имеют определенные представления. Эти представления начинают реализовываться. Люди начинают сначала свои представления реализовывать...
- С.** Они ищут газеты.
- К.** Они ищут газеты, вот!

- Г.** В этом принципиальное различие с тем, что было 15-20 лет назад. Тогда действительно было жесткое навязывание. Без всякой ориентации на толпу.
- Б.** И эффект был какой!
- Г.** Сейчас же, полагаю, идет ориентация именно на толпу, причем на разные типы толп. Потому что “МК” и “Завтра” ориентируются на разные типы толп.
- Б.** Но они ведь эти разные типы толп уже сформировали. Безличная аморфная масса, из которой начали формироваться эти толпы.
- К.** Ничего подобного! Допустим, мы возьмем большое корыто с металлическими и другими какими-то “осколками” и бросим туда магнит. Если там будет металл, пластмасса, стекло и что-то еще, то к магниту прицепится железо. То же самое, наверное, и с газетой. Газета “бросает” что-то (идеи, лозунги и т.д.). И к ней начинают “прилепляться” люди, которые слышат этот “резонанс”. Другое дело, что, конечно, на основе этого любая газета, любое издание ведет свою пропаганду, это понятно, это очевидно. Но что первично здесь — это вопрос. И может быть, он не связан напрямую с проблемой идентификации, потому что проблема идентификации возникает, на мой взгляд, с самого начала: когда возникает новое издание (зациклились на газетах, но тем не менее)...
- Б.** Ну, тогда религия, все, что угодно.
- К.** Религия, хорошо. Почему кто-то верит в это, а кто-то не верит? Почему кто-то идет за этим, а кто-то не идет? Наверное, ответ в том, что что-то меня “зацепило”. Поэтому мы выходим уже в политический дискурс — на проблему харизмы.
- С.** Да-да.
- К.** На проблему толпы и лидера.
- Б.** Тогда мы переходим к политдискурсу.
- С.** Да, это уже политдискурс, и будем продолжать эту тему на совещании по политдискурсу.
- К.** Да, а сейчас мы ставим многоточие. Совершенно очевидно, что разговор не окончен и в ближайшее время, очевидно, имеет смысл собраться еще раз, чтобы обсудить оставшиеся вопросы: понятия “образ, представление, понятие”, а также языковые способы выражения обсуждаемых феноменов. И продолжить обсуждение проблемы идентификации. Так что дискуссия продолжается.
- С.** Да, дискуссия продолжается.